

НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДОВ В «ВОЕННОМ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ ЛЕКСИКОНЕ»

Артём Юрьевич Перетятко

Кандидат исторических наук,
заведующий научной лабораторией,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
Почтовый адрес: ул. Б. Садовая, 105/42,
Ростов-на-Дону, 344006, Россия
Электронный адрес: ArtPeretatko@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2779-2223

Аннотация

В рамках научной этнографии XIX в. господствовало представление о важности лингвистического фактора для классификации народов (материалы несостоявшейся Второй всеобщей переписи населения Российской империи считали родной язык респондента «определяющим его национальность», языковой критерий классификации народов считался определяющим в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона»). В статье показано, что и за пределами научного дискурса получили определенное распространение представления о том, что неперенным атрибутом отдельного народа является самостоятельный язык (например, классик русской литературы М. Е. Салтыков-Щедрин и донской поэт А. А. Леонов отказывались признать донских казаков народом, указывая на отсутствие у них своего языка). Однако подобные представления нельзя считать общепринятыми. В частности, в авторитетнейшем «Военном энциклопедическом лексиконе», издававшемся военными, в целом ряде статей народы классифицируются не по лингвистическому фактору. Д. А. Милютин для народов Африки использовал классификацию по внешним физическим свойствам, Н. В. Савельев-Ростиславич для славян — классификацию по «месту обитания», а редактор энциклопедии Л. И. Зедделер в страноведческих статьях просто перечислял народы без всякой системы. Более того, из трех этих авторов только у Д. А. Милютина был относительно понятный терминологический аппарат, и только он упоминал современные языки описываемых им народов. В более позднем военном словаре XIX в., «Энциклопедии военных и морских наук», также есть статьи, в которых народы классифицируются по не вполне понятным и, вероятно, не языковым критериям. Таким образом, как минимум у части военных Российской империи XIX в. не только отсутствовало четкое представление о том, что каждый народ должен иметь свой язык, — допускалось полное игнорирование лингвистических вопросов в страноведческих и народоведческих текстах.

Ключевые слова

Любительская этнография, народ, язык, классификация народов, Д. А. Милютин, Л. И. Зедделер, Н. В. Савельев-Ростиславич

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Статья поступила в редакцию 9 февраля 2025 г.

Статья доработана автором 11 июня 2025 г.

Статья принята в печать 15 июня 2025 г.

Цитирование: *Перетятко А. Ю.* Нелингвистические критерии классификации народов в «Военном энциклопедическом лексиконе» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 27–52. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.02>

NON-LINGUISTIC CRITERIA OF PEOPLES' CLASSIFICATION IN THE "MILITARY ENCYCLOPEDIC LEXICON"

Artyom Yu. Peretyatko

Ph. D., Head of the Science Laboratory,
Institute for Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
Postal address: B. Sadovaya Street, 105/42,
Rostov-on-Don, 344006, Russia
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2779-2223

Abstract

In scientific ethnography of the 19th century the idea about the importance of linguistic factor in peoples' classification was prevalent (the failed Second general census of the population of the Russian Empire considered respondent's native language to "determine his nationality"; language criterion of peoples' classification was deemed determinant in the "Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary"). The article shows that notions about language being an indispensable attribute of a separate people had somewhat spread beyond the scientific discourse too (for example, the classic of Russian literature M. Ye. Saltykov-Shchedrin and the Don poet A. A. Leonov refused to consider the Don Cossacks a people, pointing out their lack of unique language). However, such notions cannot be considered universally accepted. In particular, the "Military Encyclopedic Lexicon", which was published by the military, has a number of articles where peoples are not classified by linguistic factor. D. A. Milyutin used classification by physical appearances and features for the peoples of Africa, N. V. Savelyev-Rostislavich — classification by "places of habitation" for the Slavs, and the editor of this encyclopedia, L. I. Seddeler, just unsystematically listed the peoples in his articles on regional geography. Moreover, of these three authors only D. A. Milyutin used a relatively consistent terminology, and only he mentioned at all the contemporary languages of the peoples he was describing. The "Encyclopedia of Military and Naval Sciences", a later military dictionary of the 19th century, also has articles in which peoples are classified by criteria not wholly understandable and, probably, non-linguistic. Thus, not only a clear understanding that every people must have their own language was absent among the military of the 19th century Russian Empire — it was acceptable to completely ignore linguistic issues in the texts on regional geography and ethnography.

Keywords

Amateur ethnography, people, language, peoples' classification, D. A. Milyutin, L. I. Seddeler, N. V. Savelyev-Rostislavich

Funding

The research was supported by the Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University ("Priority 2030").

Received 9 February 2025

Revised 11 June 2025

Accepted 15 June 2025

For citation: Peretyatko, A. Yu., 2025. Non-Linguistic Criteria of Peoples' Classification in the "Military Encyclopedic Lexicon". *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 27–52. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.02>

В сентябре 1915 г. подготовка Второй всеобщей переписи населения Российской империи дошла до стадии разработки наставлений для сельских и городских переписчиков, направленных для обсуждения, в частности, властям Области Войска Донского¹. Нас в наибольшей степени интересует инструкция по заполнению одной из граф: «Здесь записывается название того языка, который каждый считает для себя родным, то есть определяющим его национальность»². Таким образом, предполагалось совершенно однозначно зафиксировать привязку национальности к языку. Данный критерий определения национальности доминировал в XIX в. в научной мысли, среди лингвистов и антропологов, в том числе и российских. Как мы видим, в итоге он оказался принят и имперским правительством (так, наставления для переписчиков Второй всеобщей переписи населения составлялись особым совещанием по подготовке переписи при министерстве внутренних дел)³.

М. В. Лескинен был предложен небольшой обзор того, как в этом столетии менялись воззрения российских этнографов на роль языка в классификации народов⁴. Она отмечает, что еще Г. Ф. Миллер считал языковой критерий определяющим для выявления родства народов: «Характерное различие народов состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственный безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, тем нечего искать единоплеменности»⁵. Критика подобного подхода началась как минимум с 1830-х гг., когда отдельные исследователи предлагали в рамках этнографической классификации учитывать, помимо языка, вероисповедание и сословную принадлежность, однако в целом языковой критерий позиционировался определяющим для «этнографической классификации» даже в соответствующем томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона⁶. В рамках Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. этническая / национальная принадлежность респондентов не определялась (то есть прямой вопрос о том, к какой народности или племени относят себя опрошиваемые, не задавался), однако

¹ Государственный архив Ростовской области. Ф. 353 (Областной Войска Донского статистический комитет г. Новочеркасс). Оп. 1. Д. 710 (Материалы по организации 2-й всеобщей переписи населения: списки населенных мест ОВД по заседательским участкам и районам, формы переписных ведомостей и переписка с центральным статистическим комитетом и местными учреждениями). Л. 375–385об.

² Там же. Л. 379.

³ Там же. Л. 372.

⁴ Лескинен М. В. Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. С. 155–202.

⁵ Цит. по: Лескинен М. В. Великоросс/великорус... С. 155.

⁶ Лескинен М. В. Великоросс/великорус... С. 156.

фиксируется родной язык⁷. Все это позволяет М. В. Лескинен сделать вывод о том, что даже в конце XIX в. язык оставался важным критерием классификации народов, хотя и утратил прежнее абсолютное значение, причем, как считает исследовательница, «его роль признавалась более в теоретических построениях — например, в вопросах этногенеза в историко-сравнительных исследованиях, нежели в практической области идентификации изучаемых объектов»⁸.

Здесь нам представляется уместным кратко отметить тот факт, что использование языкового фактора для классификации народов неизбежно порождало целый ряд теоретических и практических вопросов, на которые наука XIX в. пыталась дать ответ. В частности, требовалось провести границы между языками и наречиями (как отмечает М. В. Лескинен, к концу этого столетия «язык понимался как лингвистическое соответствие этносу, а наречие — субэтносу»⁹), определить, как соотносится развитие народа с развитием его языка (например, в контексте письменных и бесписьменных языков) и т. д. Однако для этнографии все эти вопросы были принципиально важны только в том случае, если сам языковой фактор признавался важным для классификации народов. В данной статье мы хотим показать, что за пределами научного дискурса ученых-гуманитариев в XIX в. значение языкового фактора для подобной классификации могло не учитываться, вплоть до полного невнимания к лингвистическим вопросам при описании народов.

РОЛЬ ЯЗЫКОВОГО ФАКТОРА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ПОСТРОЕНИЯХ НЕКОТОРЫХ АВТОРОВ XIX В.

Оговорим, впрочем, что нам известны и случаи, когда лингвистический критерий использовался непрофессионалами в качестве важнейшего признака, определяющего сам факт существования / несуществования того или иного народа. В этом отношении показательна критика М. Е. Салтыковым-Щедриным анонимной статьи «Донской сепаратизм», опубликованной в «Московских ведомостях»¹⁰. Данная статья имела достаточно сложную структуру: в ней обильно цитировалась другая статья, И. Краснова (вероятно, известного донского генерала и писателя И. И. Краснова), появившаяся в «Санкт-Петербургских ведомостях» ранее, причем если И. Краснов писал о «местном патриотизме» донских казаков, то «Московские ведомости» предлагали интерпретировать подобный «патриотизм» как эвфемизм для обозначения сепаратизма¹¹.

⁷ Лескинен М. В. Великоросс/великорус... С. 201–202.

⁸ Там же. С. 202.

⁹ Там же. С. 203.

¹⁰ Донской сепаратизм // Московские ведомости. 1864. № 89. С. 2.

¹¹ Там же.

М. Е. Салтыков-Щедрин, полемизируя с этой статьей, иронически выделял множество других «российских «сепаратизмов», выразившихся в попытках защитить / получить особый статус отдельными категориями жителей Российской империи («Мещане имеют право производить известные промыслы и торговать в розницу шнурочками, на что крестьяне прав не имеют, — сепаратизм»; «Чиновники имеют право состоять на службе, на что огромное большинство населения Российской империи прав не имеет, — сепаратизм» и т. п.)¹². Ключевым фактором, не позволяющим допустить самое существование донского сепаратизма, М. Е. Салтыков-Щедрин считал отсутствие у донских казаков собственного языка, причем его высказывания на этот счет достаточно красноречивы, чтобы привести их подробно: «Донцы-молодцы! куда же вы стремитесь? И где тот Кулиш, который будет сочинять для вас буквари? где тот Костомаров, который будет издавать их? И на каком языке будут сочиняться эти буквари? Кому известен язык Земли Войска Донского? Есть ли в нем слова “хиба”, “вже” и проч., совершенно необходимые для образования сильного и самостоятельного языка?»¹³. При этом М. Е. Салтыков-Щедрин не объяснял, почему он считает возможным существование сепаратизма только у групп населения, имеющих собственный язык. Как нам представляется, это было связано с тем, что он видел важнейшим критерием выделения отдельного народа наличие у его представителей «своего» языка. Соответственно, в рамках подобной логики говорить о «сепаратизме» казаков — как и мещан или чиновников — можно было только в кавычках. И эта логика представлялась М. Е. Салтыкову-Щедрину достаточно очевидной, чтобы не расшифровывать ее специально.

Интересно, что рассуждения М. Е. Салтыкова-Щедрина очень близки к ряду высказываний донского поэта А. А. Леонова из известной речи «О пособиях для изучения истории Войска Донского» (эта речь, прочитанная в 1854 г. в Новочеркасской гимназии, была не так давно специально проанализирована А. А. Волвенко¹⁴). Отметим, что А. А. Леонов был достаточно важной фигурой для донского казачества XIX в.: другими донскими авторами он позиционировался как крупнейший казачий поэт, а на его первый сборник стихотворений сдержанно-благожелательную рецензию написал сам В. Г. Белинский¹⁵. В своей речи А. А. Леонов обвинял профессиональных русских историков в непонимании донского казачества, причем особенно критически отзывался о Н. Г. Устрялове, якобы рассматривавшем

¹² Салтыков-Щедрин М. Е. Литературные мелочи // Современник. 1864. № 5. С. 7–9.

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ Волвенко А. А. О чем говорил учитель русского языка войсковой старшина А. Леонов «на торжественном акте» Новочеркасской гимназии 12 августа 1854 года? // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 134–145.

¹⁵ Чеканов Н. Очерк из истории литературной деятельности на Дону. Характер и быт казачества в поэзии А. А. Леонова. Харьков, 1888. С. 3–16.

казачество в качестве «особенного народа»¹⁶. Нас интересует только один аргумент, который А. А. Леонов выдвигал против того, чтобы считать казаков отдельным народом. Он совершенно четко писал: «Понятие о народе отдельном, самобытном, предполагает союз родов и целых племен, говорящих непременно своим собственным, им только одним принадлежащим, языком»¹⁷. Донские же казаки, как считал А. А. Леонов, искони говорили «чисто русским языком, великорусским наречием его» — и потому не могли «быть почитаемы за народ, отдельный от русских»¹⁸. Таким образом, с точки зрения А. А. Леонова, свой собственный язык был обязательным критерием для выделения особого народа. Заслуживает внимания и тот факт, что донской поэт вполне корректно с точки зрения науки своей эпохи использовал понятие «наречие», уточнив, что донские казаки якобы говорили не просто на русском языке, но на являющемся частью этого языка великорусском наречии (вопрос об обоснованности этого утверждения нас сейчас не интересует, только корректность терминологии).

В то же время, анализируя историко-статистические описания Земли / Области Войска Донского, выполненные в XIX в. местными авторами, мы регулярно сталкиваемся с полным игнорированием лингвистического фактора при классификации местных групп населения и крайне малым вниманием к лингвистическим вопросам вообще. Например, в классическом для донского историописания «Статистическом описании Земли Донских казаков, составленном в 1822–32 годах» выделялось три «племена» местных жителей — казаки, крестьяне и калмыки¹⁹. Сведения о языке указывались только для казаков, причем подчеркивалось, что часть из них говорит «более наречием великорусским», а другая часть — «более наречием малороссийским» (то есть данная группа была выделена не по критерию единства наречия)²⁰. Таким образом, из достаточно объемного исследования, описывающего Землю Войска Донского, сведения о лингвистической ситуации в крае зачастую можно было понять только по косвенным фактам: например, о существовании калмыцкого языка говорилось не при описании калмыков, но в связи с использованием казаками заимствованных «слов татарских и калмыцких»²¹. Для приоритетов данной книги очень показательным, что при таком невнимании к лингвистическим вопросам — которым не было специально посвящено ни одного раздела ни в одной из глав — целая глава была посвящена регалиям Войска Донского, пожалованным российскими монархами²².

¹⁶ Артинский И. П. Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск, 1907. С. 384.

¹⁷ Там же. С. 385.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Сухоруков В. Д. Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–32 годах. Новочеркасск: Обл. Войска Донского тип., 1891. С. 91.

²⁰ Там же. С. 108.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 237–258.

Для секретаря Донского областного статистического комитета С. Ф. Номикосова, написавшего в 1880-е гг. «Статистическое описание Области Войска Донского», ключевым признаком для выделения в донском населении значимых групп, которые затем подробно описывались, фактически был народный быт, а не язык — в результате чего говорившие на различных диалектах русского языка казаки, местные крестьяне и крестьяне из других губерний оказывались отнесены к разным группам²³. Отметим также, что эти группы С. Ф. Номикосов никак специально не именовал — ни народами, ни племенами, ни сословиями²⁴. В то же время, кратко описывая деление местного населения на «племена» — которые, напротив, не описывались вообще за исключением одного факта их проживания в регионе — С. Ф. Номикосов относил почти всех местных жителей, включая заведомо не русскоязычных греков, к «русским»²⁵. Лингвистическим вопросам снова не было посвящено ни одного специального раздела, и только в главе о народном быте кратко упоминались особенности речи различных групп местного населения (например, для казаков описание этих особенностей занимало менее страницы и в основном сводилось к описанию произношения низовых казаков, говоривших «Ванька» (Ванька), «Хведя» (Федя), «впали» (упали) и т. д.)²⁶.

Таким образом, мы сталкиваемся с интересной ситуацией. С точки зрения российских ученых-этнографов XIX в. язык был важен для классификации народов и определения степени их родства. Дискуссии в их среде затрагивали вопрос о том, является ли лингвистический признак для классификации народов определяющим или просто важным — но существенное значение этого признака признавалось всеми. Подобные взгляды, безусловно, получили определенное распространение и за пределами ученой среды. Для М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. А. Леонова было очевидно, что донских казаков нельзя считать способными к сепаратизму или называть отдельным народом, и основанием для этого служило как раз отсутствие у них самостоятельного языка. В рамках подобной логики тот факт, что донские казаки говорят на русском языке, заставлял однозначно относить их к русскому народу.

Однако в историко-статистических описаниях Земли / Области Войска, выполненных местными авторами, деление местного населения на группы производилось без учета языкового фактора. Более того, лингвистическим вопросам в этих описаниях уделялся минимум места. И это позволяет нам говорить о том, что как минимум в донском любительском народоописа-

²³ Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск: Обл. правл. Войска Донского, 1884. С. 297–335.

²⁴ Там же. С. 297–335.

²⁵ Там же. С. 279–281.

²⁶ Там же. С. 299.

нии XIX в. идеи важности лингвистического принципа для классификации народов и, шире, понимания необходимости характеристики местных языков / наречий при описании края еще не стали общепринятыми.

Мы бы хотели здесь обратить особое внимание на то, что наше противопоставление ученых-этнографов и местных казачьих авторов предполагает не качественное, но дискурсивное различие между ними. Мы отнюдь не считаем, что практиковавшаяся учеными-этнографами классификация народов по лингвистическому принципу была «лучше», например, классификации С. Ф. Номикосовым значимых групп донского населения по народному быту (для практического управления регионом вторая классификация могла быть даже полезнее). Речь идет только о том, что донской автор XIX в. мог осознавать существующее в рамках научного дискурса соответствие языка народу, а наречия — части этого народа. Но мог он и не знать / не понимать / не принимать этого соответствия, уделяя лингвистическим вопросам минимум внимания, считая для характеристики своего региона гораздо более важным не то, на каких языках / наречиях говорят его жители, но, например, то, какой набор регалий имеет Донское Войско (что, опять же, не являлось ошибкой, но говорило о иных приоритетах описателя).

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ УНИВЕРСАЛИЯ?

Нам представляется вероятным, что мы имеем дело не с какой-либо казачьей или региональной спецификой, но с явлением более общего характера. Прежде всего, достаточно очевидно, что формирующиеся и изменяющиеся в научном мире классификации народов совершенно не обязательно сразу становятся общепринятыми в обществе в целом, поскольку требуется какое-то время на их популяризацию. Приведем любопытный пример. В 1822 г. чешским ученым Й. Добровским было предложено разделение славянских языков на две группы: восточнославянскую (куда относились и языки, позднее выделенные в третью, южнославянскую группу) и западнославянскую²⁷. Однако уже в 1836 г. Н. И. Надеждин, опираясь на новые лингвистические труды другого чешского ученого, П. Й. Шафарика, заявил о том, что русский язык следует рассматривать отдельно от прочих славянских, а в 1837 г. в «Энциклопедическом лексиконе» он предложил делить славян по принципу родства их языков на три «племена»: восточное, северо-западное и юго-западное, причем эти «племена» по входящим в них народам уже примерно соответствовали современным восточным, западным и южным славянам²⁸. Однако даже через полтора десятилетия, в 1854 г., в книге Н. Ланге «Обозрение Австрийской империи» (первоначально напечатанной в качестве статьи в популярном журнале «Библиотека

²⁷ Лескинен М. В. Великоросс/великорус... С. 171.

²⁸ Там же. С. 173–175.

для чтения»²⁹) еще использовалась классификация славян на основе деления их языков, предложенного Й. Добровским: выделялись только западные и восточные славяне, причем «винды» (словенцы), сербы и хорваты относились к последним³⁰.

Обратим теперь внимание на то, что и работа Н. Ланге, и историко-статистические описания Земли / Области Войска Донского, выполненные местными авторами, представляют собой популярные описания регионов, написанные лицами, не являвшимися профессиональными историками, географами и этнографами. Возможное исключение здесь составляет Н. Ланге, точной информации о котором нам не удалось найти. Возможно, это был Н. И. Ланге – известный российский юрист, автор книг по истории права и чиновник второй половины XIX в., в таком случае и он не был историком, географом или этнографом.

В контексте нашего исследования важно, что жанр популярного описания региона, выполненного не ученым-гуманитарием, был достаточно распространен в середине XIX в., когда только Военным министерством Российской империи было издано две серии статистических описаний регионов: «Военно-статистическое обозрение Российской империи» и «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» (в обеих сериях были и тома, посвященные Земле Войска Донского³¹). Таким образом, для Российской империи XIX в. было нормальным, неисключительным явлением то, что описание того или иного региона / страны составлялось автором, не имевшим специальной исторической, географической или этнографической подготовки. И эти авторы работали в условиях, когда, как мы видели выше, сама система научной классификации народов только формировалась и классификации сменяли друг друга за очень небольшой промежуток времени (как классификацию славян по Й. Добровскому сменила классификация по П. Й. Шафарiku).

Таким образом, в XIX в., во-первых, российская этнография переживала период бурного развития; во-вторых, ее новые открытия и теории, которые могли противоречить старым, не всегда сразу усваивались обществом; в-третьих, существовал обширный пласт работ, который создавался не профессиональными учеными, а, например, военными или региональными донскими авторами. Как мы увидим далее, подобные авторы могли не просто описывать народы, но и предлагать те или иные системы их классификации.

²⁹ Ланге Н. Обозрение Австрийской империи. СПб.: Тип. Штаба отд-го корпуса вн. стражи, 1854. Форзац.

³⁰ Там же. С. 19–24.

³¹ Штюмер Л. Л. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 11, Ч. 5: Земли Войска Донского. СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1852; Краснов Н. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1863.

В этом контексте мы бы хотели обратить внимание на резонное заключение лингвиста А. И. Грищенко: «Сколько бы научных теорий этноса ни существовало, все они находятся за пределами наивных этнических картин мира, определяемых в т. ч. естественными человеческими языками» — и в итоге «наивные, до- и посттерминологические, значения слов *народ*, *нация*, *этнос* и их производных формируют этническую картину мира, конкурирующую с научными теориями»³². Таким образом, научные представления о народах и этносах относятся к научному дискурсу, а не языку в целом, но и люди, не знакомые с научным дискурсом, испытывают потребность в классификации народов. И в этом контексте как раз содержащие элементы классификации народов работы авторов, не являющихся учеными-гуманитариями и не знакомых с научным дискурсом или отвергающих его, заслуживают специального изучения, поскольку из них можно выявить, какие формы может приобретать сравнительно редко изучаемая этническая картина мира, формируемая не научными теориями этноса, а дотерминологическими представлениями о народах.

И в случае с Российской империей XIX в. мы располагаем даже не отдельными подобными работами, но богатейшей их совокупностью, связанной в том числе с творчеством военных авторов (включая казачьих). Особое же значение имеют военные энциклопедические словари как общедоступные источники информации о народах. Первым масштабным военным энциклопедическим словарем Российской империи стал «Военный энциклопедический лексикон», вышедший в 1837–1852 гг. И, как мы покажем, в нем предлагались классификации народов целого ряда регионов и стран, но при этом языковой принцип не лежал в их основании, а лингвистические вопросы в целом мало интересовали большинство авторов соответствующих статей.

КЛАССИФИКАЦИЯ НАРОДОВ АФРИКИ Д. А. МИЛЮТИНЫМ

О том, как была организована работа над «Военным энциклопедическим лексиконом», известно, в частности, из монументальных воспоминаний Д. А. Милютина. Д. А. Милютину (на тот момент совсем молодому офицеру, только что окончившему Императорскую военную академию, будущую Николаевскую академию Генерального штаба) поручили написать для «Военного энциклопедического лексикона» целый ряд статей, причем как математических (например, «Алгебра» и «Астрономия»), так и военных («Армия») и географических («Африка») ³³. Как раз статья «Африка», со-

³² Грищенко А. И. Лексическое значение этнонима — семантическое уравнение с двумя неизвестными // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I: Сб. научных статей / сост. В. Н. Денисенко, О. И. Валентинова и др. М.: РУДН, 2011 С. 439.

³³ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Т. I. Томск: Военная акад., 1919. С. 144.

державшая этнографический раздел, первоначально не устроила редактора энциклопедии, бывшего вице-директора Императорской военной академии барона Л. И. Зедделера, и он вернул ее автору на переработку, причем позднее сообщал Д. А. Милютину, что сделал это «по предварительном совещании с опытными специалистами»³⁴.

Неизвестно, о каких специалистах речь, но даже в опубликованной в итоге статье «Африка» классификация местных народов не учитывает их язык, апеллируя к внешним физическим свойствам. Д. А. Милютин делит все местное население на два «главнейших поколения»³⁵: «собственно африканское, или негрское, черное» и «кавказское, белое»³⁶. Вообще, в научной литературе первой половины XIX в. такие термины, как «поколение», «племя», «народ», обычно употреблялись в рамках некоей иерархии: например, в «Энциклопедическом лексиконе» Н. И. Надеждин делил славян в целом на племена (в частности, племенем были восточные славяне), а племена — на поколения или народы³⁷. Д. А. Милютин тоже выстраивал иерархию этих терминов, хотя и несколько иную. Сначала он писал о «негрском» «поколении», а затем о «черном племени, или неграх»³⁸. Описав африканские «главнейшие поколения», Д. А. Милютин отдельно выделил еще и «кафров и бушманов», причем тоже по внешним физическим свойствам: в его интерпретации они «весьма близки к неграм и отличаются от них только более тупым лицевым углом и оттенком цвета тела»³⁹. А затем — и это важно для понимания его классификации — Д. А. Милютин указал, что «прочие народы» Африки относятся к одному из «трех исчисленных поколений» или возникли от смешения неких «пород»⁴⁰. Таким образом, судя по всему, для Д. А. Милютина термины «поколение» и «племя» были синонимичны и обозначали группу народов. Его терминологический аппарат отличается как от тезауруса Н. И. Надеждина, так и, как мы увидим далее, от других авторов «Военного энциклопедического лексикона». Учитывая тематику данной статьи, мы воздержимся от анализа того, как терминология авторов соотносилась с научными представлениями эпохи (на наш взгляд, это тема для отдельной статьи), ограничившись реконструкцией ее логики.

Хотя предложенная Д. А. Милютиным классификация народов Африки основывалась исключительно на их внешних антропологических при-

³⁴ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала... С. 145.

³⁵ Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1837. Ч. I. С. 699.

³⁶ Там же.

³⁷ Лескинен М. В. Великоросс/великорус... С. 174.

³⁸ Военный энциклопедический лексикон... Ч. I. С. 699.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

знаках, военный писатель касался и вопроса классификации африканских языков. Он лаконично писал, что «языки африканских народов еще менее известны, и нет возможности подвести их под какую-нибудь классификацию»⁴¹. Следовательно, Д. А. Милютин считал вопрос лингвистической классификации населения достаточно важным, чтобы рассмотреть его в обзорной статье о континенте, даже если информации о языках его жителей почти не было. Более того, о делении жителей Африки на народы и об их языках Д. А. Милютин писал в одном абзаце⁴². Это позволяет как минимум предполагать, что, *возможно*, если бы в данном случае автор обладал большим объемом лингвистических сведений об описываемых им народах, он бы дополнил их классификацию и языковым критерием. Однако в целом мы можем констатировать, что в своем описании народов Африки для «Военного энциклопедического лексикона» Д. А. Милютин уделил некоторое внимание лингвистическим вопросам, но классифицировал местные народы исключительно по внешним физическим свойствам.

В то же время мы бы хотели обратить внимание на то, что Д. А. Милютин, несмотря на крайне ограниченный объем известной в то время информации об африканских народах, сумел предложить ясную систему их классификации, основанную на очевидном нелингвистическом признаке. Нам показалось необходимым привести пример подобной классификации; в статьях, описывающих славянские народы, мы ничего подобного не увидим.

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛАВЯН Н. В. САВЕЛЬЕВЫМ-РОСТИСЛАВИЧЕМ

Статья «Славяне» в «Военном энциклопедическом лексиконе» подписана на «Н.В.С.-Р.»⁴³. Из списка сотрудников в составлении энциклопедии следует, что это Н. В. Савельев-Ростиславич⁴⁴. Ныне этот автор почти забыт, однако его привлечение к составлению военной энциклопедии представляет собой важный и интересный казус.

Дело в том, что Н. В. Савельев-Ростиславич, в отличие от Д. А. Милютина, не принадлежал в полной мере к военной среде, но пытался войти в круг признанных ученых-славяноведов. Родившийся в 1815 г., в 1836 г. он окончил Московский университет, в 1839–1848 гг. служил в ведомстве Военно-учебных заведений, преподавая, в частности, в Пажеском и Павловском кадетском корпусах, в 1848 г. из-за болезни вышел в отставку и в 1854 г. умер от чахотки⁴⁵. Однако амбиции Н. В. Савельева-Ростиславича

⁴¹ Военный энциклопедический лексикон... Ч. I. С. 699.

⁴² Там же.

⁴³ Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1848. Ч. XII. С. 288.

⁴⁴ Там же. Без страницы.

⁴⁵ Рыбалка А. А. Последние годы Н. В. Савельева-Ростиславича // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 111–127.

были связаны не с педагогической или военной карьерой, а с академическим успехом.

Он учился у Ю. И. Венелина⁴⁶, который являлся не только одним из первых российских исследователей Болгарии, но и сторонником идей, удрежняющих и возвеличивающих славянскую историю, вплоть до утверждений о том, что Аттила был «русским царем», а его империя представляла собой «Россию, державу между Дунаем и Волгою»⁴⁷. По оценке А. А. Рыбалка, Н. В. Савельев-Ростиславич «резвым и бойким пером легко возводил в квадрат самые смелые и необдуманые идеи» Ю. И. Венелина⁴⁸. К подобной характеристике следует добавить крайне своеобразные личные претензии Н. В. Савельева-Ростиславича. В IX томе «Энциклопедического лексикона» в списке авторов его полное имя, вероятно, по его собственному желанию, приводилось так: «Александр Непомук Николай Мария Буриной Венцеслав Светомир князь Ростиславич»⁴⁹. На самом деле интересующий нас персонаж был рожден с фамилией «Савельев», однако впоследствии пытался доказать, что является потомком некоего Ростислава, болгарского боярина и потомка болгарских царей, и племянницы русского патриарха Иоакима — и принять связанную с этим фамилию «Ростиславич»⁵⁰. Более того, на основании семейного архива Н. В. Савельева-Ростиславича, который больше никто не видел, другой историк-любитель, Н. В. Елагин, описал якобы организованное вышеупомянутым Ростиславом «второе Тырновское восстание 1686 г.» — событие, в советское время включенное даже в крупнейшие энциклопедии, но не зафиксированное никакими другими источниками⁵¹. При всем этом, Н. В. Савельев-Ростиславич пользовался определенным признанием не только среди частных лиц (например, группа болгар из Одессы преподнесла ему адрес, прося написать историю Болгарии), но и в Московском университете (в 1844 г. ему разрешили читать там курс «о русских и болгарских древностях, объясняемых всеславянскими и общеевропейскими»⁵²).

Таким образом, если классификацию африканских народов в «Военном энциклопедическом лексиконе» составлял Д. А. Милютин, то есть молодой человек, позднее ставший видным ученым, хотя и не в области африканистики / этнографии, то классификация славянских народов была выполне-

⁴⁶ Рыбалка А. А. Последние годы Н. В. Савельева-Ростиславича. С. 120.

⁴⁷ Касаткин К. А. Болгария в идеологии «русского» панславизма (1820–1870-е гг.) // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 28.

⁴⁸ Рыбалка А. А. Последние годы Н. В. Савельева-Ростиславича. С. 120.

⁴⁹ Энциклопедический лексикон. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1837. Т. IX. Без страницы.

⁵⁰ Рыбалка А. А. Последние годы Н. В. Савельева-Ростиславича. С. 111–114.

⁵¹ Там же. С. 114–117.

⁵² Там же. С. 121–122.

на активным и пробивным носителем ненаучных теорий, *вероятно*, причастным и к прямой фальсификации болгарской истории. Соответственно, Н. В. Савельева-Ростиславича следует признать лжеученым — однако, как мы видели выше, редактор «Военного лексикона», Л. И. Зедделер, следил за качеством статей, в спорных случаях советовался с «опытными специалистами», и едва ли пропустил бы откровенно псевдонаучную статью о таком важном предмете, как славяне. Поэтому статья «Славяне» Н. В. Савельева-Ростиславича далеко не соответствует актуальным научным знаниям о славянах 1840-х гг. — но при этом в ней нет и утверждений явно неправдоподобных для образованного человека той эпохи, за исключением наиболее компетентных в истории и этнографии.

Прежде всего, реконструируем терминологический аппарат Н. В. Савельева-Ростиславича. Внятного определения всей совокупности славян он не дал, используя такие формулировки: «Славяне, составляющие почти целую треть народонаселения европейского, занимают своими жилищами две трети материка Европы»; «Оно (имя «славяне». — *А. П.*) употребляется как собирательное для означения всей общности этого огромного народонаселения»⁵³. Н. В. Савельев-Ростиславич упоминал, что общность славян включает в себя славянские «народы», однако в перечисление групп славян включил и русское «племя»⁵⁴. Кроме того, в одном месте своей статьи он писал о «народях» «чехах, ляхах, руси, болгарях, сербах»⁵⁵, а в другом месте — о «балтийских славянах сербского племени»⁵⁶. Таким образом, у Н. В. Савельева-Ростиславича основной этнографической единицей в статье «Славяне» был «народ» / «племя», причем эти понятия выступали как синонимичные, а терминов для обозначения более крупных этнических образований (групп народов) не вводилось.

В полном соответствии с интересами самого Н. В. Савельева-Ростиславича и его учителя Ю. И. Венелина большая часть данной небольшой статьи (заключительные две трети) была посвящена истории славян⁵⁷. При этом непропорционально большое внимание уделялось античному периоду (почти треть текста)⁵⁸. Автор, апеллируя к Ю. И. Венелину и А. Л. Шлецеру, пытался доказать, будто бы славяне обладают «старобытностью» и были известны еще «древним греческим и римским писателям»⁵⁹. Еще треть статьи посвящена позднейшей истории славян⁶⁰. А вот о славянских языках в статье Н. В. Савельева-Ростиславича не говорилось почти ничего

⁵³ Военный энциклопедический лексикон... Ч. XII. С. 286.

⁵⁴ Там же. С. 286.

⁵⁵ Там же. С. 287.

⁵⁶ Там же. С. 286.

⁵⁷ Там же. С. 286–288.

⁵⁸ Там же. С. 286–287.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 287–288.

(исключение составляет небольшой и довольно путанный сюжет о том, на каких языках говорили славяне в древности, важный автору не в лингвистическом контексте, но для того, чтобы доказать ложность представлений о неславянском происхождении «Руси и Болгар»⁶¹). Таким образом, из статьи следовало, что важнейшей особенностью славян является не родство языков (которое, подчеркнем, в статье упоминается только мимоходом, в контексте глубокой древности), но древность их истории.

Первая же треть статьи «Славяне» представляла собой крайне короткое и поверхностное изложение целого ряда сюжетов. Для нас особенно важно, что в начале Н. В. Савельев-Ростиславич писал об «этнографическом состоянии славянского мира», ссылаясь на П. Й. Шафарика⁶². Однако за этим следовало не описание славянской этнографии или хотя бы лингвистики, но краткая табличка с указанием численности славянских народов, причем какого-либо подразделения этих народов на группы в рамках данной таблички не давалось⁶³. Завершив на этом описание «этнографического состояния» славян, Н. В. Савельев-Ростиславич указывал численность славян различных вероисповеданий, а также указывал, в каких европейских странах они проживают⁶⁴.

Разделять же славян на группы Н. В. Савельев-Ростиславич предлагал не по «этнографическому состоянию» или языку, но по «месту обитания»⁶⁵. В результате предложенное им деление внешне напоминает то, которое несколько ранее предлагал Н. И. Надеждин в «Энциклопедическом лексиконе» (напомним, что последний на основании близости языков выделял восточное, северо-западное и юго-западное «племена» славян, соответствующие современным восточным, западным и южным славянам). Более того, Н. В. Савельев-Ростиславич предлагал для групп славянских народов названия, соответствующие современным: он выделял западных (или германских), южных (или задунайских) и восточных (или русских) славян⁶⁶. Обратим внимание также на то, что в этом абзаце он не использовал никакой специальной терминологии, в том числе не обозначая никаким обобщающим термином и выделяемые им группы народов.

На глубинном, сущностном уровне сходство классификации славян Н. В. Савельева-Ростиславича с научными теориями его времени оказывается чисто внешним. Мы имеем дело либо со случайным совпадением, либо с самостоятельным конструированием автором собственных критериев, объясняющих общепринятую научную классификацию народов иначе,

⁶¹ Военный энциклопедический лексикон... Ч. XII. С. 287.

⁶² Там же. С. 286.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

чем принято в современной ему науке. Классификация славян Н. В. Савельева-Ростиславича не только не учитывает лингвистических и этнографических факторов, но и прямо противоречит им. Во-первых, Н. В. Савельев-Ростиславич относил к западным славянам помимо привычных нам народов «словенцев», «хорватов или кроатов» и «далматов», то есть народы, чьи языки даже в рамках самой первой и впоследствии отвергнутой классификации славянских языков Й. Добровского, не предполагавшей отдельной группы южнославянских языков, следовало относить в одну группу с языками болгар и русских, но никак не чехов или поляков⁶⁷. Во-вторых, сербский народ оказался вообще разделен Н. В. Савельевым-Ростиславичем: «сербов» он считал южными славянами, а вот «австрийских сербов» — западными⁶⁸. В целом же данная классификация выглядит так:

Западные, или германские, славяне	Южные, или задунайские, иначе — балканские славяне	Восточные, или русские, славяне
Словенцы, австрийские сербы, хорваты, или кроаты, далматы, словаки, моравы, чехи, лужицкие сербы, поляки	Сербы и болгаре	Велико-россияне, мало-россы, бело-россы, червоно-россы, карпато-россы, или русины, закарпатские русины ⁶⁹

На наш взгляд, реальный принцип данной классификации крайне расплывчат. Хотя сам Н. В. Савельев-Ростиславич и утверждал, что в основе его лежит «место обитания», совершенно неясно, почему он в таком случае относил поляков к западным славянам. В самой статье далее указывалось, что «Царство Польское соединилось с Российской Империей», то есть по чисто географическому принципу поляков следовало относить к восточным (русским) славянам, или хотя бы разделить их на две группы, как сербов, и отнести одну из этих групп, проживающую на территории Пруссии и Австрийской империи, к западным, германским славянам, а вторую — к восточным, русским⁷⁰. Впрочем, восстановить принципы классификации славян Н. В. Савельева-Ростиславича по буквально одному абзацу его статьи, посвященному этой классификации, нам едва ли удастся. Поэтому просто констатируем, что эта классификация противоречила данным современной

⁶⁷ Военный энциклопедический лексикон... Ч. XII. С. 286.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

ему этнографии и лингвистики и не определялась при этом исключительно политической географией. Обратим также внимание на крайне любопытный список народов, по мнению данного автора образующих в совокупности восточное славянство – и на отсутствие в нем казаков, что, как мы увидим далее, будет противоречить статье «Россия» «Военного энциклопедического лексикона».

Классификация славян Австрийской, Османской и Российской империй бароном Л. И. Зедделером

Завершая разбор классификаций народов в «Военном энциклопедическом лексиконе», обратимся к статьям о странах, в которых жили славянские народы. Статья «Австрия» была подписана «Б.Л.И.З.», то есть ее автором был сам редактор энциклопедии, барон Л. И. Зедделер⁷¹. Он безусловно был прекрасно образованным военным ученым, но его интересы были далеки от этнографических. Австриец по происхождению, до перехода на российскую службу он окончил знаменитый Терезианум⁷². Крупнейшим его самостоятельным трудом было двухтомное «Обозрение истории военного искусства»⁷³. Страноведческие статьи, написанные Л. И. Зедделером для «Военного энциклопедического лексикона», обстоятельным и подробны – но не в разделах, посвященных местным народам.

Л. И. Зедделер упоминал славян в качестве одного из «четырех главных поколений» Австрийской империи, «различных по языку, нравам и обычаям»⁷⁴. Не вполне ясно, как в представлениях Л. И. Зедделера соотносились понятия «народ» и «поколение»: он писал, что «народы, населяющие Австрийскую империю, разделяются на четыре главных поколения», но при этом тремя другими «главными поколениями» Австрийской империи, кроме «славян», были «немцы», «мадьяры (венгры)» и «итальянцы»⁷⁵. Соответственно, «поколением» у Л. И. Зедделера в рамках данной статьи могла быть как группа народов, так и большой народ. Точнее об этом судить не представляется возможным, поскольку далее не предлагалось не только какой-либо классификации народов империи, но и хотя бы их перечисления. Так, из славян отдельно упоминались только «чехи и моравы»⁷⁶. Более того, в тексте с характеристикой некоторых народов соседствовали характеристики некоторых региональных групп: например, отдельно характеризовались «немцы», «жители Вены» и «тирольцы», а вместо поля-

⁷¹ Военный энциклопедический лексикон... Ч. I. С. 128, без страницы.

⁷² Хаванова О. В. «Я послал к нему Айхенфельда...». Биография и карьера секретаря Австрийского посольства в Петербурге // Славяноведение. 2017. № 5. С. 85.

⁷³ Зедделер Л. И. Обозрение истории военного искусства. В 2 ч. СПб.: Изданием Я. Брифа, 1836–1843.

⁷⁴ Военный энциклопедический лексикон... Ч. I. Там же. С. 114.

⁷⁵ Там же. С. 114.

⁷⁶ Там же. С. 115.

ков и украинцев / малороссов / русских / русин характеристика давалась «жителям Галиции»⁷⁷. Языки народов Австрийской империи в статье не рассматривались.

Статья о «Турецкой империи» тоже была подписана «Б.Л.И.З.»⁷⁸. Она примечательна тем, что в ней используется несколько иной терминологический аппарат, в котором вовсе не представлено понятие «народ». Л. И. Зедделер снова делил население европейской части Османской Империи (азиатскую часть он рассматривал отдельно и куда менее подробно⁷⁹) на «главные поколения»⁸⁰. И снова большая часть этих «поколений» соответствовала скорее народам в современном понимании, чем группам народов: 4 поколения из 5 составляли «поколение албанское», «греки», «турки» и «валахи»⁸¹. В числе «менее значительных поколений» назывались «армяне», «евреи» и «цыгане»⁸². В то же время четверным, последним из «менее значительных поколений», были «европейцы разных наций»⁸³. А пятым из «главных поколений» европейской Турции объявлялись «славяне» (именно в таком написании; впрочем, это слово упоминалось лишь однажды, что допускает ошибку корректора)⁸⁴. При этом, если другие «поколения» не делились Л. И. Зеддером на какие-то составные элементы, то внутри «славян» он выделял три «отрасли»: «сербов», «босняков» и «монтенегринцев, или черногорцев»⁸⁵. «Булгары» (снова именно в таком написании) появлялись далее, в разделе о религиях империи, но в разделе о народонаселении никак не упоминались (единственным народом, который в этом разделе локализовался в «Булгарии», были албанцы)⁸⁶. О языках, на которых говорили народы Османской империи, включая славян, не сообщалось ничего.

Наконец, статьи о России для «Военного энциклопедического лексикона» написали уже знакомые нам авторы. Статья «Россия (История)» была подписана «Н.В.С.-Р.»⁸⁷. Поэтому предсказуемо, что в этой статье ничего

⁷⁷ Военный энциклопедический лексикон... Ч. I. Там же. С. 115.

⁷⁸ Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1849. Ч. XIII. С. 80.

⁷⁹ Там же. С. 79.

⁸⁰ Там же. С. 59.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847. Ч. XI. С. 532.

не говорилось о народах, исторически населявших российские земли, и языках, на которых они говорили, — зато Н. В. Савельев-Ростиславич счел нужным сообщить читателю, что «наша южная славянская Русь была известна грекам под именем Великой Скифии»⁸⁸.

Статья «Россия» была подписана «Б.Л.И.З.»⁸⁹. В ней Л. И. Зедделер снова несколько изменил свой терминологический аппарат. На сей раз он вообще не использовал термина «поколение», зато писал о «племени славянском», «финском или чудском племени», «литовском племени» и т. д.⁹⁰ Каждое «племя» состояло из нескольких групп, причем из дальнейшего текста видно, что эти группы Л. И. Зедделер называл «народами»⁹¹. «Племя славянское» на территории Российской империи Л. И. Зедделер описывал как состоящее из следующих четырех групп, для каждой из которой указывалась численность населения: «великороссиян»; «малороссиян с казаками»; «белоруссов, поляков»; «сербов, болгар и некоторых др.»⁹². Таким образом, здесь Л. И. Зедделер, в отличие от статей «Австрия» и «Турецкая империя», попытался разделить славян на четыре группы, занимающие промежуточное положение между уровнями отдельных славянских «народов» и «племенем славянским» в целом. При этом объединение «сербов, болгар и некоторых др.» может быть объяснено тем, что в эту категорию попадали все славянские народы, слишком малочисленные, чтобы считать их по отдельности. Объединение малороссиян с казаками можно объяснить языковой и культурной близостью. Однако объединение православных восточных славян белорусов с западными славянами по языку и католиками по вере поляками показывает, что Л. И. Зедделер считал возможным объединять народы в группы вопреки лингвистическим, культурным или этнографическим критериям даже тогда, когда каждый народ был достаточно многочисленным. К сожалению, и в данном случае мы не располагаем достаточной информацией, чтобы реконструировать его логику.

Далее в перечислении «главнейших народов в России» из славян фигурировали уже по отдельности «великороссияне», «малороссияне», «белоруссы», «русьяки», «казаки» (этот этноним написан со строчной буквы, в отличие от названий других народов, которые по правилам XIX в. писались с заглавной) и «поляки»⁹³. Заслуживает внимания и тот факт, что в числе «главнейших народов» фигурируют «немцы», «цыганы», «армяне» и «евреи», которые, как мы видели выше, в статьях того же Л. И. Зедделера («Австрия» и «Турецкая Империя») позиционировались в качестве «поко-

⁸⁸ Военный энциклопедический лексикон... Ч. XI. С. 520.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 505.

⁹¹ Там же. С. 505–506.

⁹² Там же. С. 505.

⁹³ Там же. С. 506.

лений»⁹⁴. Отметим также, что о языках, на которых говорили в Российской империи, Л. И. Зедделер предсказуемо ничего не сообщал.

Остается констатировать, что Л. И. Зедделер был выдающимся организатором, сумевшим напечатать первую в Российской империи военную энциклопедию, и крупным военным ученым, но этнография явно не была его сильной стороной. Описывая население Австрийской и Османской империй, редактор «Военного энциклопедического лексикона» не смог даже просто перечислить все славянские народы, проживающие в этих империях. Используемый им терминологический аппарат был крайне нестабилен и менялся от статьи к статье: славяне в целом выступали то «поколением», то «племенем», а отдельные славянские этносы — то «народами», то «отраслями». Наконец, классификация славян, предложенная Н. В. Савельевым-Ростиславичем в соответствующей статье «Военного энциклопедического лексикона», Л. И. Зедделером в своих страноведческих статьях, написанных для этого же издания, не использовалась совершенно, и вообще в его текстах отсутствует сколько-либо последовательная классификация народов. Лингвистических сюжетов в страноведческих статьях Л. И. Зедделера тоже не касался вовсе — даже в контексте описаний глубокого прошлого, как Н. В. Савельев-Ростиславич. В целом можно констатировать, что редактора «Военного энциклопедического лексикона» равно не интересовали вопросы классификации народов и языков, на которых эти народы говорили.

ТАК КАК ЖЕ КЛАССИФИЦИРОВАЛИСЬ НАРОДЫ В «ВОЕННОМ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ ЛЕКСИКОНЕ» В ЦЕЛОМ?

Мы рассмотрели случаи трех авторов «Военного энциклопедического лексикона», которые в своих статьях так или иначе были вынуждены писать не об отдельных народах, а об их группах. Наиболее простым является случай Л. И. Зедделера. Терминологический аппарат его описания народов различался от статьи к статье, но обычно предполагал два уровня этнических общностей: «племена» или «поколения» делились на «народы» или «отрасли». Однако последовательности в применении этих терминов Л. И. Зедделер не демонстрировал: так, немцы, армяне или евреи в одной его статье были «поколениями», а в другой — «народами». Л. И. Зедделер ограничивался перечислением «поколений» (в случае с Российской империей, описываемой более подробно, — «главнейших народов»), проживающих в той или иной описываемой им стране, не объясняя логики их выделения и не предлагая какой-либо их классификации. Информация о том, на какие «народы» / «отрасли» делится «поколение» / «племя», приводилась не всегда, и даже если приводилась — без всяких объяснений подобного деления. Языковые вопросы не рассматривались вообще, ни в каком контексте.

⁹⁴ Военный энциклопедический лексикон... Ч. XI. С. 506.

Несколько сложнее случай Д. А. Милютина. Будущий выдающийся военный ученый, даже занимаясь совершенно чуждой ему темой африканских народов, понимал важность их обоснованной классификации, и в своем тексте достаточно четко классифицировал народы Африки по внешним физическим свойствам. Попытался он дать и характеристику африканским языкам, пускай и не связывая их напрямую с классификацией народов, однако по существу эта характеристика сводилась к тому, что языки народов Африки крайне малоизучены. Наконец, из трех рассматриваемых нами авторов «Военного энциклопедического лексикона» Д. А. Милютин использовал наиболее прозрачный терминологический аппарат: в его тексте «народы» относятся к «поколениям» или «племенам», причем два последних термина явно синонимичны и могут применяться к одной и той же большой группе населения.

Наконец, наиболее сложен случай Н. В. Савельева-Ростиславича. Описывая славян, он, в отличие от Л. И. Зедделера и Д. А. Милютина, последовательно писал не о двух, а о трех иерархических уровнях этнических общностей: славяне делились на западных, южных и восточных, которые, в свою очередь, подразделялись на более мелкие общности. Однако специальными терминами («народ» или «племя») Н. В. Савельев-Ростиславич обозначал только этнические общности низшего уровня. Для славян в целом или групп славянских народов (западных, южных и восточных славян) этот автор не использовал какого-либо терминологического аппарата.

Внешне классификация славянских народов Н. В. Савельева-Ростиславича была похожа на принятую на тот момент в этнографии и лингвистике и тоже предполагавшую деление славян на три группы. Однако сущностно данный автор разделял народы по совершенно иным критериям, чем было принято тогда в науке, не по родству языка, а якобы по «месту обитания» (из-за чего, например, словенцы оказались западными, «германскими», а не южными, «задунайскими», славянами). В действительности отнесение им народов к той или иной группе не вполне соответствовало и этому критерию, поскольку поляков, проживавших в Российской империи, он считал западными, «германскими», а не восточными, «русскими», славянами. Языковых вопросов Н. В. Савельев-Ростиславич касался, но мимоходом, и не в контексте классификации народов, а в контексте вопросов истории глубокой древности.

Таким образом, ни один из трех рассмотренных нами авторов «Военного энциклопедического лексикона» не классифицировал народы по лингвистическому принципу — и, более того, только Д. А. Милютин в принципе коснулся вопроса о современных языках описываемых им народов и предложил классификацию этих народов, которая основывалась на достаточно четком, хотя и не лингвистическом, критерии.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

В следующем после «Военного энциклопедического лексикона» военном энциклопедическом словаре Российской империи, в «Энциклопедии военных и морских наук», вышедшей в конце XIX в. под редакцией начальника Николаевской академии Генерального штаба Г. А. Леера, статья «Славяне» тоже полностью игнорировала вопрос о славянских языках⁹⁵. П. Й. Шафарик в этой статье упоминался, но не как лингвист, а как историк, для доказательства того, будто бы «будины и невры, упоминаемые Геродотом в его Скифии, были славяне»⁹⁶. Какой-либо ясно озвученной классификации славян в данной статье не давалось, но в сопровождавшей ее таблице славяне делились на 5 «народностей»: «русские», «поляки», «сербы, кроаты, словены», «чехи, моравы, словаки, венды» и «болгары»⁹⁷. Из текста статьи видно, что мы имеем дело с очередной терминологической путаницей — в нем «сербы, кроаты, словены» и «чехи, моравы, словаки, венды» все же позиционируются не как единая «народность», а как «народности» / «группы» (то есть подразумевается термин «группы народностей»)⁹⁸. При этом «сербы, кроаты, словены» (но не «болгары»!) именуются «южными народностями», а «чехи, моравы, словаки, венды» или «поляки» *не* называются западными народностями, а русские — восточными⁹⁹. Таким образом, читателю оставалось только догадываться о логике объединения тех или иных славянских «народностей» в группы.

Между тем представляется как минимум вероятным, что военные энциклопедические словари, издававшиеся авторитетными генералами вроде Л. И. Зедделера и, позднее, Г. А. Леера, имели определенный вес в казачьей среде (к сожалению, точно выяснить то, какие словари в большей степени использовались донскими авторами XIX в., нам едва ли когда-нибудь удастся — но мы можем точно говорить, что в их числе были люди, получавшие качественное военное образование, например, автор одного из авторитетнейших историко-статистических описаний Земли Войска Донского, Н. И. Краснов, окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба¹⁰⁰, а публиковавшийся в 1870-е гг. в «Военном сборнике» А. М. Греков — Михайловскую Артиллерийскую Академию¹⁰¹). Тем более логично предполагать, что и профессиональные военные в своих исследованиях использовали не только общенаучную литературу, но и специализированные

⁹⁵ Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко., 1895. Т. VII. С. 231–234.

⁹⁶ Там же. С. 231.

⁹⁷ Там же. С. 234.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Донцы XIX века. Ростов н/Д: NB, 2003. С. 248.

¹⁰¹ Там же. С. 83.

военные издания. В частности, составители серий «Военно-статистическое обозрение Российской империи» и «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» могли использовать в своей работе недавно вышедший «Военный энциклопедический лексикон» (прямых ссылок на него нам не удалось обнаружить, но значительная часть информации в книгах этой серии приводилась без ссылок на источники).

Однако из всего проанализированного нами выше следует, что, при прочих бесспорных достоинствах, именно в качестве пособия по этнографии «Военный энциклопедический лексикон» мог скорее запутать читателя, чем дать ему минимальные представления об актуальном состоянии этнографической науки. Значительную путаницу вносили уже терминологические расхождения между различными авторами: в одних статьях «племя» обозначало группу народов, а в других использовалось в качестве синонима понятия «народ»; в одних статьях немцы позиционировались в качестве «поколения», то есть этнографической общности высшего уровня, соответствующей славянам в целом, а не отдельным славянским народам, а в других они оказывались «народом» и перечислялись наравне не со славянами в целом, а, например, с поляками. В разных статьях давалась различная номенклатура славянских народов: так, в статье «Россия» в качестве одного из «главнейших народов» Российской империи фигурировали казаки, а в статье «Славяне» казаки в качестве одного из славянских народов не фигурировали.

Статья «Военного энциклопедического лексикона» «Славяне» недвусмысленно предлагала классифицировать народы не на основании их языка, но на основании места их обитания. В статье «Африка» народы классифицировались по внешним физическим признакам. Другие статьи вообще не предлагали классификации народов, ограничиваясь их перечислением. Языковой же критерий классификации народов, преобладавший в то время в науке, не использовался ни в одной из разобранных нами статей. Более того, ни в одной из них нет даже намек на то, что народ должен обладать своим языком, — и вообще лингвистические вопросы почти не рассматривались авторами «Военного энциклопедического лексикона».

Это означает прежде всего то, что в российском обществе XIX в. не существовало сколько-либо общепринятого важнейшего критерия выделения народов и определения их родства. Язык был безусловно важнейшим инструментом классификации народов для профессиональных ученых-гуманитариев, и это, как мы увидели выше, нашло отражение в методах всеобщих переписей населения Российской империи (особенно несостоявшейся второй). Какая-то часть общества разделяла подобные взгляды: выше мы видели, что М. Е. Салтыков-Щедрин и А. А. Леонов фактически отказывались считать казаков отдельным народом, ссылаясь на отсутствие у них самостоятельного языка. Однако в военной среде подобные взгляды, по-ви-

димому, не получили всеобщего распространения, а в военных энциклопедиях до конца XIX в. существование народа не увязывалось с наличием у него языка, более того, лингвистические вопросы при описании народов вообще нередко игнорировались. В то же время по крайней мере в «Военном энциклопедическом лексиконе» не предлагалось какой-либо общей системы классификации народов, что давало авторам отдельных статей большую степень свободы при описании этнографических сюжетов. В результате, например, редактор этого издания Л. И. Зедделер относил казаков к числу главнейших народов Российской империи, однако никаких доказательств в пользу подобной точки зрения не приводил.

И нам остается констатировать, что за пределами научного дискурса в Российской империи XIX в. представление о том, что языковой фактор является как минимум важным для классификации народов, не было универсалией. Дальнейшие исследования, возможно, позволят выявить некие закономерности. Не потому ли для М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. А. Леонова языковой фактор был определяющим при определении факта существования народа, что они были писателями? Возможно, столь сильное пренебрежение лингвистическими вопросами при описании народов было спецификой российского офицерского корпуса, который занимался страноведением в контексте совершенно иных вопросов, связанных с военной службой? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно дополнительно исследовать то, как описывались народы в XIX в. российскими авторами, которые не были профессиональными историками, географами и этнографами, знающими и принимающими современный им научный дискурс. Но, как нам представляется, мы показали в нашей статье, что предлагаемые подобными авторами классификации народов нуждаются в отдельном изучении как особый феномен, безусловно, связанный с эволюцией российской научной этнографии, но обладающий своей ярко выраженной спецификой.

Источники

Артинский И. П. Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск: Обл. В. Д. тип., 1907.

Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1837. Ч. XI. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847. Ч. XII. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1848. Ч. XIII. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1849.

Государственный архив Ростовской области. Ф. 353 (Областной Войска Донского статистический комитет г. Новочеркасск). Оп. 1. Д. 710 (Материалы по организации 2-й всеобщей переписи населения: списки населенных мест ОВД по заседательским участкам и районам, формы переписных ведомостей и переписка с центральным статистическим комитетом и местными учреждениями).

- Донской сепаратизм // Московские ведомости. 1864. № 89. С. 2.
- Донцы XIX века. Ростов н/Д: NV, 2003.
- Зедделер Л. И. Обзорение истории военного искусства. В 2 ч. СПб.: Изданием Я. Брифа, 1836–1843.
- Краснов Н. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1863.
- Ланге Н. Обзорение Австрийской империи. СПб.: Тип. Штаба отд-го корпуса вн. стражи, 1854.
- Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Томск: Военная акад., 1919. Т. I.
- Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск: Обл. правл. Войска Донского, 1884.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XV. Отделение первое. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1841.
- Салтыков-Шchedрин М. Е. Литературные мелочи // Современник. 1864. № 5. С. 1–26.
- Сухоруков В. Д. Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–32 годах. Новочеркасск: Обл. Войска Донского тип., 1891.
- Чеканов Н. Очерк из истории литературной деятельности на Дону. Характер и быт казачества в поэзии А.А. Леонова. Харьков: Типография И. В. Попова, 1888.
- Штюрмер Л. Л. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 11, Ч. 5: Земли Войска Донского. СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1852.
- Энциклопедический лексикон. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1837. Т. IX.
- Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко., 1895. Т. VII.

Литература

- Волвенко А. А. О чем говорил учитель русского языка войсковой старшина А. Леонов «на торжественном акте» Новочеркасской гимназии 12 августа 1854 года? // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 134–145. DOI: 10.23683/2500-3224-2019-2-134-145
- Грищенко А. И. Лексическое значение этнонима — семантическое уравнение с двумя неизвестными // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I: Сб. научных статей / сост. В. Н. Денисенко, О. И. Валентинова и др. М.: РУДН, 2011. С. 437–443.
- Касаткин К. А. Болгария в идеологии «русского» панславизма (1820–1870-е гг.) // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 26–31. DOI: 10.31168/2619-0869.2020.1.05
- Лескинен М. В. Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016.

Рыбалка А. А. Последние годы Н. В. Савельева-Ростиславича // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 109–133. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.07

Хаванова О. В. «Я послал к нему Айхенфельда...». Биография и карьера секретаря Австрийского посольства в Петербурге // Славяноведение. 2017. № 5. С. 80–87.

References

Grishchenko, A. I., 2011. Lexical meaning of the ethnonym — a semantic equation with two unknowns. In: Denisenko V. N., Valentinova O. I. et al., comp., 2011. *Functional semantics and sign systems' semiotics. Pt. I: Collected papers*. Moscow: RUDN, pp. 437–443. (In Russian)

Kasatkin, K. A., 2020. Bulgaria and “Russian” Panslavism in the Nineteenth Century. In: Uzeneva E. S., Khavanova O. V., eds., 2020. *Slavic World: Commonality and Diversity. Abstracts of the conference of young scientists as part of the Days of Slavic Writing and Culture*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 26–31. DOI: 10.31168/2619-0869.2020.1.05. (In Russian)

Khavanova, O. V., 2017. “I sent Eichenfeld to him...” Biography and career of the secretary of the Austrian embassy in St. Petersburg. *Slavic studies*, 5, pp. 80–87 (In Russian)

Leskinen, M. V., 2016. *Velikoross/velikorus. From the history of constructing of ethnicity. The century 19th*. Moscow: Indrik. (In Russian)

Rybalka, A. A., 2019. The last years of N. V. Savelyev-Rostislavich. *Slavic almanac*, 1–2, pp. 109–133. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.07. (In Russian)

Volvenko, A. A., 2019. What did the teacher of Russian the army foreman A. Leonov “on the solemn act” the Novocherkassk Gymnasium speak on August 12, 1854 about? *Novoe proshloe / The New Past*, 2, pp. 134–145. DOI: 10.23683/2500-3224-2019-2-134-145. (In Russian)